

Стоглавого собора (1551). Можно прибавить и третий случай, правда, ещё более поздний: в «Утверждённой грамоте» 1613 г. об избрании на царство Михаила Фёдоровича состав Московского государства упомянут 66 раз. В самой сжатой форме общество изображено как трёхчастное: «богомольцы (дословный перевод *oratores*), царский синклит (военная, политическая элита) и несчётное множество христиан (третье сословие)»; в развёрнутом виде перечисляются 29 чинов, но всегда устойчиво соблюдается трёхчастная модель¹⁴.

На с. 261 Стефанович пишет: «Для неопределённости и нетерминологичности слова (“дружина”. – А.Б.)... [показательно] частое употребление слова с дополнительными пояснениями или определениями – “дружина лучшая”, “передняя” и т.п.». Не отрицая расплывчивости «дружины», рискну иначе истолковать обилие прилагательных. Стараясь описать реакции русского общества на инфляцию, порождённую «медными деньгами» в 1660-х гг., я обратил внимание на использование ключевого для исследования слова «деньги». Ни разу во всех доступных мне источниках я не нашёл этого слова без пояснений: деньги были «медными», «покупными», «воровскими» (поддельными) и какими угодно, но абстрактное понятие металлического или иного знака ценности отсутствовало. Гипотеза частично подтверждается тщетным поиском неопределённых «денег» в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» и появлением их в Словаре XVIII в.¹⁵ Нельзя ли предположить, что в архаичном мышлении чёткие, абстрактные, «терминизированные» (слово и кавычки П.С. Стефановича) понятия вообще являются редким исключением? Абстрагирование даётся нелегко даже человеку Ренессанса, знакомому с латынью и с греческим. Что и говорить о жителях варварской Европы! Типично скорее обратное: точно так же, как в фигуре боярина слава, богатство и политическая роль «неразрывно связаны» (с. 554), так и представление о дружине не может оторваться от конкретных разнообразных людей, её составляющих. Может быть, всё-таки надо признать дружину «расплывчатым институтом»?

Эти полукритические замечания в моих глазах нисколько не умаляют достоинств незаурядной книги. Я не случайно назвал Петра Стефановича картезианцем. С автором «Рассуждения о методе» он разделяет то, что я бы назвал «радикальным предварительным скептицизмом» – редкую способность оторваться от всей массы существующей литературы и обратиться к проблеме *ex nihilo*. Но нет сомнения, что после его труда воспринимать историю Древней Руси по-старому уже будет невозможно.

Наталья Ениосова: Глазами археолога

Трудно представить себе исследователя археологических памятников периода формирования Древнерусского государства, не испытывавшего острого интереса к проблемам военно-политической элиты Руси X–XI вв. и не пытавшегося осмыслить материалы раскопок в свете письменных источников. Даже «узкие» специалисты, углублённо изучающие женские украшения, амулеты или бытовые предметы, не могут избежать необходимости соотнести результаты морфологического, стилистического и хронологического анализа с контекстом

¹⁴ Berelowitch A. Hiérarchie et préséances: le cas de la Russie au XVIIIe siècle // Revue des Études slaves, Vol. LXIII. 1991. № 1. P. 229–244.

¹⁵ Berelowitch A. De modis demonstrandi in septidecimi saeculi Moschovia // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Vol. 56. 2000. S. 8–46.

эпохи, опираясь на труды, реконструирующие социальную историю средневековой Руси. Хорошо известно, однако, что письменные источники скудны, а реконструкции социума на основе имеющихся археологических данных уязвимы, так как независимая проверка предложенных сценариев практически недостижима.

В силу различных обстоятельств археологи редко представляют во всей полноте огромный объём отечественной и зарубежной научной литературы, посвящённой проблемам элит в раннесредневековых обществах. Этот пробел особенно заметен в двух областях, одна из которых – анализ теоретических проблем социальной истории, другая – текстологический анализ источников. Благодаря фундаментальному труду П.С. Стефановича археологи, обычно просто подбирающие иллюстрации из древнерусских текстов для «готовых» гипотез, получили возможность оценить ограничения и имманентные слабости источников, а также сопоставить взгляды отечественных историков на роль древнерусской дружины в эпоху формирования государства с господствующими в англо-американской, немецкой, французской, польской и чешской историографии концепциями о роли элит в раннесредневековых обществах. Анализ понятийного аппарата и выявление аутентичной социальной терминологии, предпринятые автором на основе сравнения данных древнерусских источников со свидетельствами, происходящими из Северной, Центральной и Южной Европы, имеют огромное значение для преодоления накопившихся в археологической литературе устойчивых штампов и абстрактных схем.

Мои представления о социальной структуре населения, оставившего такие памятники, как Киев, Чернигов, Шестовицы, Гнёздово, Темирёво и др., сложились в период абсолютного господства концепции «дружинной культуры»¹⁶. Все курганы с богатым инвентарём назывались «дружинными», вещи из этих погребений – «дружинным комплексом» или «дружинным инвентарём», некоторые поселения превратились по воле их исследователей в «дружинные лагерь» и даже государство, возникшее на просторах Древней Руси, в конце концов получило статус «дружинного». За Гнёздовским археологическим комплексом, с материалами которого я работаю много лет, прочно закрепилась репутация «эталонного дружинного памятника». Большие курганы и камерные ингумации Гнёздовского могильника послужили одним из главных аргументов его определения как «дружинного некрополя». Предметы вооружения, многочисленные детали ремённой и уздечной гарнитуры восточного облика, престижные импортные вещи (керамика, шёлк, стекло и др.) стали расценивать как атрибуты «дружинной культуры» и индикаторы присутствия дружины в пункте обнаружения находок из этого списка, даже если их было немного. Тем не менее неизбежно возникал вопрос, почему «дружинная культура» Гнёздова и других памятников этого круга представлена преимущественно женскими украшениями?¹⁷ Для прояснения противоречивой картины необходимо было разобраться с самими понятиями «дружина» и «дружинный». Продуктивный теоретико-методологический подход, предложенный Стефановичем, помогает извлечь

¹⁶ Михайлов К.А. Погребальные памятники как отражение социальной стратификации древнерусского общества в эпоху раннего средневековья // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Материалы международной конференции. СПб., 2009. С. 179–180.

¹⁷ Отвечая на этот вопрос, археологи иногда в шутку говорят о выдающейся роли скандинавских женщин в создании древнерусского государства.

ся от гипнотического воздействия укоренившихся в археологических работах прямолинейных реконструкций, существенно меняет сложившуюся точку зрения на древнерусскую дружину и со всей очевидностью демонстрирует, что термины «дружинная культура» и его производные не могут отражать трудноуловимые структуры власти Древней Руси. Автор справедливо указывает, что в современной западной историографии замечен скепсис относительно роли дружины в процессе образования раннесредневековых государств: в обобщающих работах по этому вопросу о дружинах речи не идёт. Раздел о дружине отсутствует в недавней коллективной публикации, посвящённой практически всем аспектам эпохи викингов, включая военную организацию¹⁸. О дружине не говорится ни слова и в первом томе учебника «Археология средневековой Европы VIII–XII вв.», изданного усилиями известных исследователей из разных стран для студентов европейских университетов¹⁹.

Данные, извлекаемые автором из старо- и церковнославянских памятников X–XI вв. и древнерусских текстов XI–XII вв., убедительно свидетельствуют, что общеславянское слово «дружина» не обладало статусом термина и не отражало напрямую существования военного или социально-политического института – дружинной корпорации, а система управления государством была более сложной, чем дружинные отношения, нашедшие отражение в летописных событиях X в. (сбор дани с подвластных племен, её делёж, совместный пир и решение важных вопросов). В домонгольских источниках «дружина» – это не только княжеское войско или окружение, но и обычное название для товарищей, спутников, своих людей или воинов. Исключительно важным для прояснения терминологической путаницы представляется наблюдение об отсутствии в древнерусских текстах обозначений для отдельных представителей дружины – дружинников. Вероятно, археологам следует осторожнее относиться к таким определениям, как «погребение, вооружение или костюм дружинника», если они стремятся к употреблению аутентичных понятий при описании материалов раскопок. Используя для описания социальных структур древнерусского общества понятия «элита» и «знать», слово «дружина» следует употреблять в более узком значении для описания тесно связанных с князем людей и корпуса профессиональных воинов, обозначавшихся словами «отрок» или «гридь».

Княжеские военные слуги, по мнению автора, объединялись в «большие дружины» – многочисленные военные корпуса, подчинявшиеся киевским князьям начиная с эпохи Игоря. Об этом свидетельствуют завоевательные походы и удержание под контролем обширных территорий благодаря «механизмам даннической эксплуатации». На основе сходства с военными дружинами правителей Скандинавии и Центральной Европы Стефанович полагает, что сообщество профессиональных воинов на службе киевского князя могло насчитывать сотни и даже тысячи человек. Этот вывод, однако, пока не находит подтверждения в археологическом материале. Хорошо известно, что в Древней Руси и Скандинавии многие могильники IX–X вв. сохранились фрагментарно. Однако некрополи раннегородских центров Бирки, Хедебю и Гнёздова, насчитывающие более тысячи курганов, можно использовать для приблизительной оценки численности населения. Подсчёты на основе гендерных соотношений популяций по этим материалам дают число, не превышающее 1–1.5 тыс. оби-

¹⁸ The Viking World. L., 2012.

¹⁹ The Archaeology of Medieval Europe. Vol. 1: The Eighth to Twelfth Centuries AD. Aarhus, 2007.

тателей²⁰. Даже с учётом ненадёжности усреднённого восстановления демографических данных трудно представить, что в X в. на Руси и в Скандинавии существовали многотысячные отряды воинов. По мнению некоторых исследователей, в Скандинавии IX–X вв. доля населения, вовлечённого в воинскую деятельность, была незначительной²¹. В материалах Гнёздовского некрополя на основе строгих критериев отбора были выделены погребения с «профессиональным» комплексом вооружения, их доля составляет приблизительно 17% от размера достоверной выборки²². Однако оружие, найденное в курганах, не может однозначно указывать на принадлежность погребённого к специализированному воинскому сословию или элите. В Скандинавии оружие, даже самое престижное и дорогое, не принадлежало исключительно королям или аристократической верхушке, а служило признаком свободного статуса более широкого круга людей.

В российской и украинской археологической литературе широко распространена слишком упрощённая трактовка социального положения мужчин, похороненных в погребальных камерах Руси и Скандинавии. В них видят представителей высшей знати: королевских дружинников (в шведской Бирке) или членов великокняжеской дружины, непосредственно связанных с Киевом – в Гнёздове, где обнаружено более половины известных на сегодняшний день древнерусских ингумаций в камерах²³. С такой атрибуцией не согласны многие исследователи как в Скандинавии, так и в России. Они полагают, что этот специфический обряд «не предоставляет бесспорных доказательств существования в Гнёздове дружины как организации воинов-профессионалов, подчинённых великокняжеской власти»²⁴. Трудно представить себе, каким мощным и монолитным государственным аппаратом должен был обладать киевский князь, чтобы контролировать огромные, удалённые друг от друга территории при примитивном уровне путей сообщения и условий жизнедеятельности.

В целом погребения Гнёздовского некрополя свидетельствуют о существовании «преуспевающих членов социума», в число которых входили воины и слуги местных правителей, купцы и ювелиры, владельцы земли и угодий. Им принадлежало движимое богатство – серебро, а также недвижимые ценности – пахотные участки, луга и скот. Судя по высокой концентрации престижных импортных вещей – византийских амфор, монет и украшений из драгоценных металлов, стеклянных сосудов и шёлка, представителей гнёздовской элиты отличало высокое качество жизни. Они обеспечивали безопасную торговлю и обмен на сезонных торжищах и имели возможность добывать ресурсы для процветания. Специфический статус гнёздовской знати и механизмы взаимо-

²⁰ Gräslund A.-S. Birka IV. The Burial customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980. P. 82; Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнёздовского могильника. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 206; Müller-Wille M. Trade and communication networks of the first millennium AD in the northern part of Central Europe – central places, beach markets, landing places and trading centres. Summary and perspectives // Neue Studien zur Sachsenforschung. B. 1. Stuttgart, 2010.

²¹ Williams G. Raiding and warfare // The Viking World. P. 193.

²² Каинов С.Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнёздовском могильнике // XVI конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы. Ч. 1. М., 2008. С. 201.

²³ В Гнёздове исследованы 34 камерные ингумации.

²⁴ Михайлов К.А. Погребальные памятники как отражение... С. 185; Жарнов Ю.Э. Указ. соч. С. 164–165, 169.

действия с великокняжеской властью сложно определить на основе письменных и археологических источников. Однако при сопоставлении синхронных и во многом схожих гнёздовских и киевских материалов мы не сможем найти в последних признаков особого столичного статуса вплоть до начала XI в. Богатство и разнообразие находок из Верхнего Поднепровья во многом определяется относительно хорошей сохранностью некрополя и поселения, и тем не менее масштабы памятников и коллекций на данном уровне исследований свидетельствуют скорее о достаточно независимых правителях Гнёздова²⁵.

Вероятно, в Гнёздове на протяжении X в. правили «архонты»/«князья»/«бояре», известные по русско-греческим договорам и сообщениям Константина Багрянородного. В последней главе монографии П.С. Стефанович извлекает из хорошо известных источников новую ценную информацию и приводит убедительные доказательства существования локальных правителей, посылавших своих представителей в Византию для заключения договоров. Находки византийский печатей, свидетельствующих о прямых контактах с официальными представителями империи, известны не только в Киеве, но и на Рюриковом городище, в Шестовицах и Гнёздове²⁶. Оценивая степень независимости локальных правителей, автор полагает, что они признавали верховную власть киевского князя, но не входили в его дружину и не составляли один род с Рюриковичами. Судя по тому, что «архонты» составляли высшую страту Руси на протяжении одного столетия и в этот период их число не оставалось неизменным, контроль над людьми и территориями не был стабильным, а династии находились у власти непродолжительный период вплоть до изменения структуры государства в начале XI в.

Выводы, сформулированные Стефановичем в монографии, представляют огромный интерес для всех исследователей, вовлечённых в изучение древнерусской истории. Ему удалось проследить динамику изменений в структуре элит на протяжении X–XI столетий. Отказ от «киевцентричного» понимания структуры власти на ранних её этапах открывает новые возможности для интерпретации ключевых археологических памятников, сыгравших важную роль в процессе формирования государства.

Александр Мусин: Отроки и бояре между фактом и артефактом

«Сущность чистой науки заключается только в том, чтобы поставить гипотезу и заменить её другой, более совершенной, если на то есть основания²⁷», тогда как ценность любого знания, прежде всего нового, надлежит измерять изначальной решимостью пожертвовать им во имя грядущего опровержения²⁸. Основания для нового взгляда на древнерусское общество, различающего в его составе самостоятельную элиту, которая состояла из воинов и знати и не была поглощена ни княжьим правом, ни общинным обычаем, сложились уже давно. Их как минимум три. Прежде всего, раннее русское средневековье не

²⁵ Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздова в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев, 2012. С. 45–48.

²⁶ Там же.

²⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 413.

²⁸ Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Éd. 2. P., 1952. P. 40. Ср.: Блок М. Апология истории. М., 2003. С. 52.